

(ПП: Это очень образная, грубоватая и гиперболическая народная идиома. Она описывает состояние сильного, животного страха или ужаса, который настолько парализует человека, что у того буквально холодеет в паху)

Чэн Чжао по-прежнему прикрывал глаза ладонями, но между пальцами зияли такие щели, что толку от этого было немного. Он с чувством протянул:

— Этот Нин-гер... ну разве он такой же, как прочие геры? Сам полез в воду рыбу ловить!

С этими словами он ткнул локтем стоявшего рядом Юй Юаня:

— Ты когда-нибудь видел, чтобы гер сам в реку лез за рыбой?

Юй Юань не ответил и никак не отреагировал, стоял неподвижно, словно деревянный столб.

Чэн Чжао продолжил:

— Я слышал, что Нин-гер ещё в начале года болел, вроде как в ледяную прорубь провалился, едва жизнь не отдал. С таким телосложением, да в воду?

Цзян Чансинь пристально смотрел на Е Нина у реки, и в его сердце поднималось смутное сомнение. Он был человеком, прожившим вторую жизнь, и в прошлой тоже слышал о Нин-гере из семьи Е - о том, что тот самый красивый и приметный во всей деревне Цинтянь, что ни один гер не может с ним сравниться. Даже позднее, когда Цзян Чансинь восстановил разум и повидал мир, по правде говоря, во всём Великом Ляне он так и не встретил никого с внешностью, подобной Е Нину.

Но в его памяти Е Нин оставался просто гером. Таким же, как и прочие: нежным, хрупким, соблюдающим правила, не выходящим дальше внутренних ворот, с малых лет присматриваемым к браку, чтобы стать добродетельным супругом, служить мужу и воспитывать детей.

Именно из-за красоты Нин-гера семья Е подыскивала ему наилучший брак во всей деревне Цинтянь - с домом Чжоу. В семье Е понимали, что род Цзян - семья ученых, что их старый господин некогда был чиновником и видел большой мир, а потому и не помышляли о таком браке, направив взор на зажиточный дом Чжоу, разводивший свиней.

В прошлой жизни гер из семьи Е вышел замуж в дом Чжоу. Но в этой... история с разрывом помолвки между Е Нином и Чжоу-даланом прогремела на всю округу, и Цзян Чансинь, вовсе не будучи настоящим глупцом, конечно же, был об этом наслышан.

Всё шло своим чередом, всё находилось в русле, всё оставалось под контролем Цзян Чансиня кроме одного.

Кроме Е Нина.

Он один оказался другим.

Е Нин поймал ещё одну крупную, жирную рыбу, его движение было чистым и быстрым. Он вышел из воды и бросил добычу в заранее приготовленную бамбуковую корзину. В этот миг он будто что-то почувствовал: резко поднял голову и безошибочно посмотрел в сторону стены усадьбы семьи Цзян.

Цзян Чансинь был человеком, практикующим боевые искусства. После перерождения он всё это время тайно продолжал тренироваться: в поместье дел было немного, и он проводил дни за чтением и упражнениями, постепенно выработав в себе острую бдительность и настороженность. Стоило Е Нину поднять голову, как Цзян Чансинь мгновенно подобрал плечи и одним резким движением спрыгнул со стены, ускользнув от его взгляда.

Чэн Чжао отреагировал не так быстро и едва не выдал себя; Юй Юань в тот же миг схватил его за ворот и рывком потянул вниз. Из-за внезапной потери опоры Чэн Чжао рефлекторно раскрыл рот, собираясь вскрикнуть, но Юй Юань был готов: другой рукой он точно и вовремя прикрыл ему рот, не позволив вырваться ни малейшему звуку.

Трое спрыгнули со стены. Спустя некоторое время снаружи донёсся возбуждённый голос Чжан Чжиюаня, а затем удаляющийся стук шагов: судя по всему, они вернулись к своей лапшичной.

Чэн Чжао осторожно снова вскарабкался на стену. Лапшичная находилась недалеко от реки, стена была высокой, обзор с неё - превосходный, без всяких помех, так что всё было видно как на ладони.

Он вполголоса докладывал:

— Ушли...

— Кажется, рыбу разделявают...

— Ай, этот Чжан, чистый ученый, ни силы, ни сноровки... ой, рыба убежала.

— Режут овощи.

— Тесто месят... похоже, собираются готовить еду.

Чэн Чжао подглядывал и одновременно комментировал происходящее, докладывая буквально обо всём подряд. Юй Юань пропускал его слова мимо ушей, а Цзян Чансинь спокойно поднял чашку и сделал небольшой глоток ароматного чая. Оба, казалось, уже давно привыкли к

болтливости Чэн Чжао.

Е Нин, неся бамбуковую корзину, вернулся в лапшичную и занялся рыбой. Мелкую рыбёшку и креветок он отложил для бульона, а крупную, жирную рыбу решил пустить на жаркое - каждому своё, свой вкус. Движения его были быстрыми и уверенными: он принялся разделывать рыбу. Чжан Чжиюань стоял рядом и с воодушевлением сказал:

— Ловить я тебе не помог, так, может, сейчас...

Он не успел договорить, даже вдохнуть как следует, как Е Нин уже начал разделывать рыбу. Кровь хлынула, резкий запах рыбы ударил в нос, и Чжан Чжиюань, испугавшись, отшатнулся на три шага, спрятался у дверей и поспешно сказал:

— Е Нин, осторожнее... смотри, не порань руку...

Е Нин: «...»

Он спокойно взглянул на Чжан Чжиюаня и продолжил работу, тщательно очищая рыбу от внутренностей, особенно осторожно обращаясь с желчным пузырём: стоит его повредить, и мясо тут же пропитается горьковатым привкусом, испортив весь вкус.

Чжан Чжиюань и сам понял, что чересчур перепугался: гер без всякой суеты разделывает рыбу, а он, взрослый мужчина, прячется у дверей - это выглядело совсем не по-мужски. Он кашлянул, неловко сказал:

— Кхм... Е Нин, я... я могу чем-нибудь помочь?

Е Нин продолжал заниматься рыбой. Вообще-то он собирался просто попросить двоюродного брата постоять в стороне и не мешать, но, увидев его искреннее рвение, всё же не захотел остужать пыл: Чжан Чжиюань был человеком добрым, с тёплым сердцем, и это чувствовалось.

— Тогда помой, пожалуйста, бамбук и грибы.

Чжан Чжиюань энергично закивал, засучивая рукава:

— Не волнуйся, я дома всегда помогаю по хозяйству. Овощи мыть и резать я умею, это мне по силам. Ты занимайся своим, я всё вымою, а потом и нарежу.

Е Нин кивнул:

— Буду признателен.

— Да что ты, пустяки, — ответил Чжан Чжиюань.

Он и правда не был тем ученым, который и пальцем к хозяйству не прикасается: в доме у них не водилось ни достатка, ни напускной чопорности. Он ловко вымыл овощи, вычистив их до блеска, разложил бамбук и грибы на разделочной доске, вытащил нож и принялся резать.

Тук!

Тх... тх-тх.

Бах, бах... бах...

Е Нин поднял голову, бросил взгляд и невольно слегка нахмурился. Это было вовсе не «резать»: казалось, у Чжан Чжиюаня с бамбуком и грибами была какая-то личная вражда. Он вцепился в деревянную рукоять ножа обеими руками и с размаху опускал его вниз. Скорее уж не нарезка, а избивание: куски получались разнокалиберные, кривые, ни один не походил на другой.

Впрочем, как ни крути, овощи всё-таки были нарезаны, и на том спасибо. Е Нин беспомощно вздохнул.

— Е Нин, — с любопытством спросил Чжан Чжиюань, — что ты собираешься готовить?

Поскольку это была лапшичная, а утварь и выбор блюд были весьма ограничены, Е Нин с самого начала решил готовить лапшу и ответил:

— Пяньэрчуань.

— Пянь... эрчуань? — Чжан Чжиюань растерялся.

В Великом Ляне такого блюда не существовало. Но в памяти Е Нина, из прежней жизни, ещё до мутаций мира и до прихода конца света, пяньэрчуань была знаменитым блюдом Ханчжоу. Он ел её однажды: прозрачный, насыщенный бульон, скользкая, нежная лапша, простые, но выверенные ингредиенты. Стоило только вспомнить этот вкус, как во рту тут же собиралась слюна, а пальцы начинали зудеть от нетерпения. В бесчисленные дни голода и лишений в постапокалипсисе Е Нин не раз представлял себе, как ест чашку горячей, до умопомрачения ароматной пяньэрчуань, и это само по себе было счастьем.

Теперь, оказавшись в деревне Цинтянь, пусть и с ворохом семейных неурядиц, с такими родителями и с риском для прямолинейного мужчины вроде него выйти замуж за свиновода, он всё же получил главное: возможность сварить себе чашку горячей пяньэрчуань.

На губах Е Нина появилась лёгкая улыбка. Когда речь заходила о еде, его лицо теряло холодную отстранённость и становилось мягким, как весенний ветер, тёплым и спокойным.

Классическая пняньэрчуань готовится на бульоне из солёной зелени, бамбука и свинины; лапша режется тонкими пластинами, отсюда и название: «пняньэр чуань» - «нарезанное ломтиками и сваренное в бульоне».

Солёная зелень и бамбук у Е Нина были, а вот свинину он пока позволить себе не мог. Поэтому он решил слегка изменить рецепт: сварить бульон на мелкой рыбе и креветках. Речная живность давала сладковатый, чистый вкус, пусть и не такой густой, как у свинины, зато куда более свежий. Вышло не идеально, но вполне достойно.

Пока бульон томился, Е Нин занялся тестом. Белоснежный ком в его тонких, мягких ладонях словно оживал: под пальцами он становился гладким, упругим и эластичным. В ожидании, пока тесто «отдохнёт», Е Нин подправил ножом те самые «куски», которые нарезал Чжан Чжиюань, придав им более аккуратный и опрятный вид.

Под палящим полуденным солнцем над очагом слоями поднимался дым, медленно расплываясь по воздуху под лёгким летним ветерком, и вместе с ним разливался насыщенный, манящий аромат бульона. Был самый разгар дня. Несколько деревенских мужиков, перекинув мотыги через плечо, возвращались с полей - пора было пообедать, подкрепиться и после снова идти на работу.

Лапшичная стояла на севере деревни, не по дороге, но запах оказался слишком выразительным. В нём угадывались нотки речной рыбы, однако вкус был глубже, богаче, многослойнее, он цеплял изголодавшееся нутро, словно крючком.

— Вот это пахнет... Что за аромат такой?

— Гляди, дым идёт. Может, в доме Цзян обед готовят?

— Да нет вроде... Смотри-ка, это же лапшичная семьи Е!

Мужики гурьбой перешли через маленький деревянный мостик и остановились у лапшичной. Внутрь не заходили, встали чуть поодаль, вытянув шеи, разглядывая происходящее.

— Разве лапшичная Е давно не закрыта?

— Эй, да это ж Нин-гер, тот самый, которого Чжоу отвергли! Гер - и лапшичную открыл?

Е Нин, конечно, слышал их насмешки, но не обратил на них ни малейшего внимания и спокойно продолжал варить лапшу. Мужики, не добившись реакции, только ещё сильнее захотели привлечь его внимание.

— Нин-гер, а почём у тебя лапша?

Только тогда Е Нин ответил:

— Два вэня за чашку.

— Что?! Два вэня?! — один из мужиков вскрикнул. — Да на эти деньги я целую корзину рыбы с креветками куплю!

— Вот именно, — подхватил другой. — Обдираловка. Кто ж к тебе есть пойдёт?

Бульон благоухал соблазнительно, но мужики всё равно не решались тратить два медяка. Впрочем, это ничуть не мешало им торчать рядом и глазеть. Возвращаться домой к обеду они не спешили, с явным удовольствием разглядывали Е Нина, будто одного вида его стройной фигуры, тонкой талии и светлого, словно выточенного из нефрита лица, уже хватало, чтобы утолить голод.

— А ведь правда, ха-ха! — расхохотался один из мужиков. — Не зря он такую цену за чашку лапши заломил. Глянь-ка на это нежное мясо: тесто в таких руках и выходит другим! Эх, кабы эти маленькие ручки мужское тело помяли, да это ж небеса, не иначе!

Чжан Чжиюань шагнул вперёд, заслоня собой Е Нина, не давая им разглядывать его дальше:

— Вы хоть знаете, что такое стыд? Так обсуждать гера!

Мужики нагло ухмыльнулись:

— Раз открыл лавку и торгуешь, значит, можно и смотреть. Не нравится - закройся да и всё. А раз открыл лапшичную, чего возмущаться?

— Вы... — Чжан Чжиюань изучал каноны и правильные учения, с кривой логикой он спорить не умел; от злости и бессилия у него покраснело лицо.

Е Нин остановил его жестом. Не сказав ни слова, он подошёл к разделочной доске, положил на неё несколько побегов бамбука и выхватил нож с подставки.

Он спокойно посмотрел на бамбук. В следующий миг рука взметнулась, нож опустился - движения были молниеносными, уверенными, ни малейшей дрожи. За одно мгновение бамбук превратился в тонкие ломтики: каждый одинаковой толщины, тонкий, как крыло цикады, на ярком солнце они просвечивали сильнее, чем бумага на окне.

Бам!

Е Нин провернул запястье и вонзил кончик ножа в доску. Его холодный и спокойный взгляд скользнул по мужикам.

— Ух... — деревенские остолбенели. По спине пробежал холодок, а в паху стало зябко без всякой причины. Это было совсем не похоже на обычную нарезку бамбука... скорее...

Чэн Чжао, подглядывавший с вершины стены, не удержался и шумно втянул воздух; от испуга он даже сбился с отчёта.

Цзян Чансинь приподнял бровь:

— Что ж ты замолчал?

И вдруг обычно молчаливый Юй Юань тихо произнёс:

— Отличная работа ножом.

<http://bllate.org/book/15118/1354577>